

КОМЕДИЯ Д.И.ФОНВИЗИНА «БРИГАДИР»: ДИАЛОГ ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ

© 2012 Э.А.Радь

Стерлитамакская государственная педагогическая академия
им. Зайнаб Биешековой

Статья поступила в редакцию 26.10.2011

В статье рассматривается одна из сюжетных модификаций решения конфликта поколений, в которой наблюдается трансформация и диссоциация мотивного комплекса инварианта (сюжета о блудном сыне). Уровень этико-философских размышлений автора, распознаваемых подтекстово, связан с мотивом бесчестия как смыслопорождающим элементом в структуре комедии.

Ключевые слова: проблема «отцов» и «детей», диалог смыслов, сюжет-архетип, актуальный сюжет, сверхличностная память, межтекстовое единство, мотив бесчестия.

Множество литературных произведений варьирует древний сюжет о блудном сыне, отражая представления своего времени и постигая конкретные жизненные ситуации. Процесс вариантообразования обусловлен хранением в «памяти культуры» смыслового инварианта – текста евангельской притчи, – который актуализируется и возрождается в контексте новой эпохи. В системе «высказываний» и действий, образующих текст притчи, заключены нераскрытые, закодированные смыслы. Текст инварианта указывает на смысловую неисчерпанность в художественном воплощении вечной проблемы «отцов» и «детей». «Подводная», подтекстовая информация позволяют индивидуальному сознанию «развернуть» содержание библейского произведения в варианты, поновому расставив акценты на разных биографических эпизодах своих героев.

Сюжет-архетип, являющийся началом парадигмы сюжетных модификаций по сходству (наличие единого «гена» – мотива «отцы – дети») и различию, потенциально содержит в себе разнообразие возможных интерпретаций всевременной темы. При сознательной и бессознательной перекодировке первоначальной модели в актуальный текст последний выступает в роли самостоятельного звена в системе сюжетных модификаций, открывает новые параметры авторского сознания и представляет новые художественные воплощения темы, отражающей конфликт поколений.

Скрытые смыслы, заключенные в координатах смыслового пространства инварианта, ожидают при рецептивном осмыслении и художественном воплощении вечной проблемы и демонстрируют широту смыслового потенциала. Ко-

ординатами смыслового пространства, так называемыми «отправными точками смыслообразования» (курсив – Барт Р.) и определяется вариативность: Конфликт поколений (а) явный; б) скрытый (внутренний); в) мнимый (отражающий разное восприятие сознаниями); г) отсутствует); «Отец – сын» (главный ген сюжета, сохраняющийся во времени, свидетельствующий о бесконечности продолжения человеческой жизни): а) родственная, кровная связь; б) иерархическая связь; в) духовная связь); «Блудный» (а) блуждающий (странствующий); б) блудливый (совершающий грех); в) соединение первых двух значений г) заблуждающийся); «Сын – сыновья» (а) сын, единственный сын; б) не сын; в) младший сын; г) грешный; д) праведный; е) дочь); «Отец» (а) смиренный; б) протестующий); Ситуация выбора; Диалог (а) состоявшийся; б) несостоявшийся); Возвращение в отчий дом (а) возвращение; б) не-возвращение, гибель); Дом Отца (а) дом; б) монастырь; в) другая обитель); Вопрос веры (а) есть Бог, обретение бога внутри себя (символическое возрождение / воскрешение); б) нет Бога, невозможность обретения Бога внутри себя); Покаяние (а) покаяние; б) не-покаяние); Прощение (а) прощение; б) не-прощение); Земля (а) родная земля; б) чужая земля).

Особую значимость обретает проблема выбора путей. Выбором пути определяется или снимается острота конфликта поколений. В ситуации выбора человек, принимая решение, реализует себя как самобытная личность, индивидуальность. Несогласие воли детей с авторитетом отцов, мотив воли / своеволия – наиважнейший момент в процессе порождения новых сюжетов, составляющих межтекстовое смысловое единство с библейским сюжетом о блудном сыне. Постоянство памяти о библейской притче

°Радь Эльза Анисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы.
E-mail: elza_rad@mail.ru

связывается с наличием конфликта поколений и мотива своеволия, что и позволяет нам говорить о «бесконечной» жизни исследуемого сюжета, его модификациях как результате художественного моделирования.

Мотив воли / своеволия в библейском сюжете сопряжен с мотивом доли. Конструктивность и сюжетобразующая функция диады «воля – доля» для притчи очевидна, а для последующих (актуальных) сюжетов художественно продуктивна. Диада «воля – доля», ситуация выбора, степень конфликтности дают возможность углубления в сознание героев, постижения человековедения на примерах произведений художественной литературы. Совокупность инварианта и максимального числа вариантов (модификационных моделей) позволяет говорить о системе, транслирующей и эксплицирующей смыслы, имплицитно присутствующие в инварианте.

Сверхличностная память коррелирует с индивидуальной авторской памятью. Главный «ген» инварианта сохраняется в актуальном сюжете, чья жанровая принадлежность может быть разнообразной. Меняются и «результаты» разрешения конфликта поколений. Между актуальными моделями возникает корреляция смыслов в плане совпадений и отклонений, отражая спектр возможностей функционирования текста инварианта. Текст евангельской притчи «вторгается» в новый структурный вариант благодаря мотиву «отцы – дети», актуализирующему в читательском сознании притчу без воспроизведения ее в тексте и разворачивающемуся в сюжетную ситуацию сотворения детьми собственной биографии (выбора) и несогласия с волей отцов (конфликта поколений). Так сюжет-архетип, расширяя смысловое пространство текста, становится метатекстом по отношению к другим моделям-вариантам.

Особенность метатекстуальной системы в системе – генетическая художественная предопределенность. С помощью «языка» инвариантной модели и происходит процесс варианто- и смыслопорождения. Вариантопорождение осуществляется как на сюжетно-мотивном уровне, ибо именно сюжет (в отличие от других уровней текста) наиболее открыт для любого рода трансформаций и диссоциаций, так и на повествовательном уровне. В «процедуре» вариантопорождения писатель чаще всего не сознательно создает свой текст по существующей модели, а наоборот, универсальная модель «живет» в области бессознательного, в его творческой памяти. Как отмечает Р.Барт, «искусство» рассказчика – это способность порождать повествовательные тексты на основе опре-

деленной структуры (кода)»¹. Таким кодом и является евангельская притча о блудном сыне. Существующая в русской литературе система модификаций одного сюжета-архетипа подчиняется одной и той же формальной организации. Сохраненный в «новом» повествовательном тексте основной «ген» модели сюжета-архетипа обнаруживает со структурной точки зрения присутствие нарративных категорий (конфликт поколений, мотив своеволия и др.). «Ген» как концепт конструктивен и образует концептосферу универсальной модели.

Элементы универсального сюжета связаны с другими элементами отношением корреляции. Ц. Тодоров отмечает: «Значение (или функция) того или иного элемента в произведении – это его способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами этого произведения и со всем произведением в целом»². В тексте инварианта коррелируют пары: «уход – возвращение», «блуждание – возвращение», «отцы – дети», «грехопадение – покаяние», «воля – доля», «умирание – воскресение», «часть наследства – расточение», «смирение – радость» и др. Таким образом, можно говорить о порождении совокупности парадигматических смысловых корреляций, обусловленной альтернативной возможностью, открывшейся сюжетной ситуацией выбора и имеющей для дальнейшего хода действия наиважнейшее значение. Предложенная жизнь в ситуации выбора альтернативность, в свою очередь, образует дихотомию понятий: возвращение и не-возвращение; покаяние и не-покаяние; вера и неверие; диалог состоявшийся и не-состоявшийся; Земля родная и чужая и др.

Возможная дихотомия предполагает подчеркнутую диалогизацию внутренней структуры нарратива инварианта. Поэтому в авторских текстопорождающих интенциях, направленных на отражение конфликта поколений, содержатся два сюжетно-смысловых плана: первый – реально-эмпирический план (уровень повествовательного текста и актуального сюжета) и второй – мифологический (уровень сохраненного в повествовательном тексте сюжета-архетипа). Мотив «отцы – дети» в нарративной структуре, развернутый в вариант конфликта поколений (этот мотив предполагает и бесконфликтные отношения, как, например, в случае со старшим сыном в притче), становится образом – метафорой, актуализирующим для читательского сознания семантическое поле мифа, вступающе-

¹ Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М.: 1987. – С.387.

² Там же. – С.394.

го в диалог с реальностью. Диалог актуального сюжета и мифа заключает в себе возможность трансформации мифического архетипа в разные (и противоположные в том числе) по смыслу образы. Эту возможность художественно реализует авторское сознание.

Одним из звеньев в парадигме модификаций сюжета о блудном сыне³, примером неявного, бессознательного «воспроизведения» фабулы евангельской притчи в русской литературе XVIII века, которому мотив «отцы – дети» передал конфликтность взаимоотношений поколений, является комедия Д.И.Фонвизина «Бригадир». Тематическая концепция данного мотива соединяет тексты разных историко-литературных периодов в единое смысловое пространство и осуществляет связь времен, образуя типологическое схождение. В процессе осмысления несовершенства русской действительности Д.И.Фонвизин в своих сатирических произведениях выпукло и емко изобразил человека как носителя, прежде всего, таких общечеловеческих моральных качеств, которые недостойны гордости и уважения, обличил сущее как то, чего не должно быть. Затрагивая вопросы нравственности и весьма своеобразно (в комедийном жанре) решая извечную проблему «отцов» и «детей», «высокая» комедия Фонвизина бросает сатирически-обличительный взгляд на взаимоотношения поколений, предполагая, на наш взгляд, идею глубинной, внутренней диалогичности мысли и диалогичности смыслов.

Обнажая пороки современного общества, в котором соотношение «материальное – духовное» трансформировано в сторону преобладания первого, индивидуально-авторское сознание Фонвизина создало вариацию одного известного сюжета-архетипа. Христианская модель мира, отраженная в нем, заключает в себе торжество духа над плотью и идеальность в решении проблемы «отцов» и «детей». В нарративе комедии «Бригадир» ценность материального (физического) оказывается приоритетной, а моральные качества, объединяющие отрицательных героев, обозначены единым понятием «бесчестие».

В механизме моделирования нового смысла возрожденного в читательском восприятии инварианта авторское сознание проявляет способность облекать смысл в новую сюжетную структуру и жанровую форму, привнося свою, в соответствии с исторической эпохой, концептуальность. В сюжетной структуре первообраза сопряжены мотивы «отцы – дети», волеизъявления, ухода, странствия, грехопадения, воз-

вращения, покаяния, прощения. Предложенный человечеству идеал определяет способ мышления в извечном конфликте поколений и регулирует жизнь, так как идеальное есть духовное образование, выражающее должные устремления. Литература же «выдает» трансформацию и диссоциацию первоначального структурного кода, новый комплекс идей. Что позволяет нам проследить как историческое развитие сюжета-архетипа, так и его фабульные варианты. В «процедуре» вариантопорождения писатель не сознательно создает свой текст по существующей модели, а универсальная модель «живет» в области бессознательного, в его творческой памяти.

Мотивы странствия (= путешествия в Париж), грехопадения (= расточительности; из текста известно, что Иван «повеса»), возвращения структурно и формально ставят 25-летнего инфантильного Ивана, который все еще «подобен воску», в один ряд с евангельским блудным сыном. Но негативное наполнение образа, его статичность (статичны все персонажи этого произведения), греховность и низменность родительского дома выводят героя из этого ряда. Явно обозначенный конфликт поколений выражен в несовпадении взглядов на жизнь, брак, семью, в разном отношении к делу, в проявлении своеволия. Структура произведения как носитель нового смысла сходна с евангельским текстом по контрасту: тема «отцы – дети» в аспекте духовного / материального, возвышенного / низменного, должного / недолжного.

Через покаяние, духовное возрождение к обретению бога в себе проходит путь библейский блудный сын. Образ Ивана не подразумевает внутреннего перерождения. Невозможность духовных метаморфоз обусловлена низкой, бездуховной средой. Мы наблюдаем диссоциацию мотивного комплекса фабульного инварианта – отпадение указанных мотивов.

Г.А.Гуковский отмечал: «В этой комедии Фонвизин предал осмеянию варварство, тупоумие, подлость дворянства, не просвещенного новой дворянской культурой, притом дворянства провинциального и «ненастоящего», дворянской черни»⁴. Бездуховные ценности формирующей среды как совокупность типичных для русской действительности бытовых и материальных факторов, среди которых существенную роль играет семья, составили внутреннее содержание личности. «Отцы», не приобщающие своих детей к соборному началу, отказывающиеся от своей национальной культуры, национальных семейных традиций, и обрекли себя на самоотрицание.

³ Радь Э.А. Механизм порождения сюжетных модификаций // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – №1. – С.60 – 65.

⁴ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: 1998. – С.281.

В отказе от русских корней сына Ивана, в его несогласии с вековыми национальными традициями, в неприятии родителей («Я индифферан (равнодушен – Э.Р.) во всем том, что надлежит до моего отца и матери»⁵) и заключен собственно конфликт поколений. Главные человеческие ценности не известны ни «отцам», ни «детям». Исключение – Добролюбов и Софья, сохранившие честь и достоинство, оттеняют пороки главных персонажей, но лишены автором активности и участия в конфликте произведения. «Философия жизни», отражающая убогое мировоззрение Ивана, представлена в диалогах с Советницей.

Сын. <...> Осторожность, постоянство, терпеливость похвальны были тогда, когда люди не знали, как должно жить на свете; а мы, которые знаем, что это такое, *que de vivre dans le grand monde* (жить в большом свете – Э.Р.), мы, конечно, были бы с постоянством очень смешны в глазах всех таких же разумных людей, как мы (Явл. VI, Д. II).

Сын. *Madame!* Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чорт ли видит то, что скрыто? А наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов; я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, чорт меня возьми, приметить не могу. (Явл. III, Д. I)⁶.

Кодекс бесчестия составили духовная пустота, непостоянство, легкомысленность и глупость. Мотивы бесчестия и духовной пустоты связаны отношением корреляции. Неоднократное упоминание героями на протяжении всего произведения понятий чести и бесчестия, расхождения в понимании чести – также отражение проблемы «отцов» и «детей». Трансформированное представление Ивана о чести – в желании прославить своего отца не личными заслугами перед отечеством (что соответствует общечеловеческим представлениям о морали и чести), а «знанием света», знанием французского языка. В разговоре с Добролюбовым выявляется разная смысловая наполняемость понятия «честь».

⁵ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Г.П.Макогоненко. – М.; Л.: 1959. – Т.1. – С.54.

⁶ Там же. – С.69 и 55.

Сын. <...> *Vous, monsieur* (к Добролюбову), конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиной воспитание⁷.

Мотив бесчестия сопряжен с ситуацией любовного переплета, названного Г.П.Макогоненко любовным «маханьем»⁸, в которой высмеивается «благородное сословие», узнающее о бесчестии по отношению друг к другу лишь в конце пьесы, в отличие от читателей. Еще в первом действии Софья примечает: «...Кроме бригадирши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого». Добролюбов дает оценку: «Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие»⁹. Порочность любви приобретает смысловой оттенок любви бесчестной. «...Вместо одной любовной пары в комедии «амурятся» все основные действующие лица, пренебрегая и моральными нормами, и здравым смыслом»¹⁰.

Любовные «маханья» старшего поколения определили порочность любви молодых людей – Ивана и замужней Советницы, по возрасту и по духу близких друг к другу («Как судьбина милосердна! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава, мы созданы друг для друга», – говорит Иван)¹¹.

Комичность ситуации определяется соперничеством отца и сына в борьбе за жену Советника, к которому приехали, чтобы сватать его дочь. Мера чести / бесчестия расценивается оскорбленным Советником, узнавшим истину о жене, деньгами.

Советник... я знаю, что с сыном вашим делать. Он меня обесчестил; а сколько мне бесчестья положено по указам, об этом я ведаю.

Бригадирша. Как нам платить бесчестье! Напомни бога, за что?

Советник. За то, моя матушка, что мне все-го дороже честь... Я все денежки, определенные мне по чину, возьму с него и не уступлю ни полушки¹².

Деньги – главная движимая сила для всех «отцов» пьесы (Советника, Бригадира, Бригадирши): обручить бригадира Ивана и дочь Советника Софью не во имя их счастья, а во имя собственного обогащения, против их воли – цель, которую они преследуют.

⁷ Там же. – С.90.

⁸ Макогоненко Г.П. Денис Иванович Фонвизин (1745 – 1792). – М.; Л.: 1950. – С.79.

⁹ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: – Т.1. – С.59.

¹⁰ Степанов В.П. Фонвизин // История русской литературы в 4-х т. – Т.1. – Л.: 1980. – С. 659 – 660.

¹¹ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: – Т.1. – С.69.

¹² Там же. – С.100.

Моральный облик двух поколений далек от совершенства. Аморальны и Бригадир, варвар по отношению к жене и сыну, и его сын, считающий измену «безделицей», «пустяком». Аморальность отца и сына, в основе которой лежит неуважение друг к другу, различна по форме выражения, но одинакова по сути.

Комедия Фонвизина называлась «Бригадир и Бригадирша» (о чем свидетельствует «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова (1772) – очевидно, с целью уже в заглавии обратить внимание читателя на основных героев¹³. Это не случайно. Бригадиру и Бригадирше «наградой» за их бесчестие становится их сын, как продукт формирующей среды. В подтексте весьма нелестной характеристики родителей, данной Иваном, называющим их «животными», «уродами», заключена авторская концепция «Что посеешь, то и пожнешь». Логическая связь между причиной и следствием обнаруживается не только в сюжетных перипетиях, но и в самих характерах персонажей, вступивших на путь «оскотинивания». Бригадир и Бригадирша лишают себя достойного сына, отдавая его от себя, определяя свою и его судьбу. Приобщения Ивана к европейской культуре не произошло. Его сознание не стало благодатной почвой для восприятия чужого, высококультурного опыта. Вобрав за время своего пребывания в Париже не лучшие стороны проявления жизни, Иван остался повторением своих родителей, только в ином, манерном варианте.

Путешествие Ивана (лишь обозначенное в тексте как факт свершившегося события) есть отражение в литературе второй половины XVIII века типичной для этого времени продолжающейся попытки освоения чужого пространства. О.М.Гончарова пишет: «если раньше (в средневековой традиции – прим. Э.Р) праведным пространством было русское, а неправедным – западное, т.е. «все не свое мыслится как греховное»¹⁴, то теперь, при официально декларированной ориентации на Европу и одновременной устойчивости мышления пространственными категориями, русское, как бы там ни было, могло получать негативные характеристики, а Запад представлялся источником просвещения и разума»¹⁵. В комедии Фонвизина отчетливо представлена однозначная оценка в отношении к Западу, показывающая «разрыв между своим

и чужим как комическую утрату человеком себя самого»¹⁶. Герой комедии «Бригадир» в ориентации на Запад, в неспособности перенять лучшее из европейских и русских достижений человечества оказался потерявшимся в пространстве между своим и чужим, не русским и не европейцем¹⁷. У Фонвизина оппозиция своего и чужого нивелируется «наличием особого пространства общечеловеческих нравственных ценностей, универсальных и вечных. Причем познание таких ценностей воспитывает, по мнению писателя, «должную любовь к отечеству»¹⁸. В своем не постижении общечеловеческих нравственных ценностей как следствии влияния среды, в своей неспособности их самостоятельного освоения «дети» Фонвизина (и в «Бригадире», и в «Недоросле») продолжают начатые «отцами» традиции бесчестия, что стало предметом не только осмеяния людских и общественных пороков, но и предостережения потомкам. Поэтому особое семантическое наполнение приобретает мотив доли с абстрактным, логически устанавливаемым значением. Этот мотив художественно реализуется в обреченности героя на низменное, бездуховное существование.

Фонвизин, всем своим творчеством борющийся за культуру, за «честь своего класса», в несерьезную форму заключил серьезное содержание: бытовая конкретика выводит читателя на уровень этико-философских размышлений о должном / недолжном, правильном / ложном, вечном / временном. Не обращаясь в тексте к универсалиям чисто философского дискурса, писатель, выражая в комической форме недоумение по отношению к миру, решает вопросы всевременные. Нравственно-философский смысловой пласт присутствует имплицитно и выявляется на метатекстовом уровне. Текст евангельской притчи о блудном сыне и актуальный сюжет Фонвизина в диалоге смыслов и в диалоге вечности и времени выдают образцы с разными полюсами значений – «+» и «-», побуждая читателя задуматься об идеальном и безобразном, о смысле всего сущего.

Изменяются социально-исторические реалии, иными становятся социокультурные условия, а общечеловеческие проблемы сохраняются, как вечно неразрешимые, что и позволяет вести речь о модификациях архетипа, о вечных текстах с текучим содержанием и текучих текстах с вечным содержанием (по Д.С.Лихачеву), о процессе непрерывного смыслопорождения в

¹³ Берков П.Н. История русской комедии XVIII в. – Л.: 1977. – С.124.

¹⁴ Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т.1. – Таллинн: 1992. – С.410.

¹⁵ Гончарова О.М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века: Монография. – СПб.: 2004. – С.17.

¹⁶ Там же. – С.19.

¹⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. – Т.5. – М.: 1958. – С.183 – 184.

¹⁸ Гончарова О.М. Власть традиции – С.24.

художественном тексте (по Ю.М.Лотману). духовного и материального, отцов и детей, ухода и возвращения, прозревая и рождая новый взгляд на мир и самого себя.

COMEDY «FOREMAN» BY D.FONVIZIN: DIALOGUE OF TIME AND ETERNITY

© 2012 E.A.Radd^o

Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva

This article studies a plot modifications solution to the conflict of generations with the transformation and dissociation of the motivic invariant complex (the story of the prodigal son). The level of ethical and philosophical reflections of the author, in the subtext presentation, is associated with the motive of dishonor as a sense developing element in the structure of the comedy.

Keywords: generation gap, «fathers» and «sons» problem, dialogue of senses, archetype plot, topical plot, super personal memory, intertextual unity, motive of dishonor.

^oElza Anysovna Radd, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of the department of Russian Literature.
E-mail: elza_rad@mail.ru